

А.И. Соловьёв*

**КРИЗИСЫ И «КРИЗИСЫ»:
КАК ТРАКТОВАТЬ КОГНИТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ?**

Аннотация. В статье раскрываются источники и факторы эволюции научного знания о политике, порождающие внутренние противоречия и кризисные ситуации в процессе обновления знаний о мире политики. Особое значение автор уделяет анализу противоречий, заложенных в политической рефлексии, в конфликтах онтологических, когнитивных и аксиологических оснований политических образов, а также в плюрализме концептуально-теоретических подходов. В этом контексте описаны некоторые ключевые особенности политической эпистемологии в современных условиях, обозначены условия парадигмальных трансформаций и текущего обновления знаний о политике. Определяются направления исследовательской деятельности, позволяющие преодолевать кризисные ситуации в эволюции политической науки с учетом национальных особенностей приращения знаний.

Ключевые слова: политическая наука; политическая рефлексия; политическая эпистемология; теоретическое моделирование; методы политических исследований.

* **Соловьёв Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: alesol@mail.ru

Solovyov Alexander, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: alesol@mail.ru

A.I. Solovyov
Crises and «crisis»:

How to treat cognitive conflicts of political science?

Abstract. The article reveals the sources and factors of evolution of scientific knowledge about politics that generate internal contradictions and crises in the process of updating the knowledge about the world of politics. Of particular importance the author gives the analysis of the contradictions inherent in the political reflection, the conflicts in the ontological, cognitive and axiological bases of political images and the pluralism of conceptual and theoretical approaches. In this context, describes some of the key features of political epistemology in modern terms, marked terms of paradigm transformations and the current update of knowledge about politics. Define the areas of research, allowing to overcome the crisis situation in the evolution of political science, taking into account national peculiarities of the increment of knowledge.

Keywords: political science; political reflection and political epistemology; theoretical modeling; methods of political research.

Развитие познавательных возможностей политической науки и неразрывно связанное с этим разнообразие концептуальных подходов, расширяющих тематические поля и площадки исследований, не только порождают различные концептуальные версии политики и столкновение их методологий, но и провоцируют весьма противоречивые оценки этого процесса. Как правило, такие суждения обретают остроту в связи с качественным усложнением политической жизни (обусловленным, к примеру, снижением роли иерархических структур, расширением гибридных форм организации власти, усилением нелинейного характера политических процессов, увеличением роли латентных структур и т.д.), изменяющим референции основополагающих политических явлений (власти, государства, демократии) и влекущим обогащение лингво-семантических конструкций. Свою роль здесь играют и сопутствующие обновлению научных знаний более обширные процессы – незавершенность антропогенеза, кризис экологии, культуры (составной частью которой является наука) и т.д. Все эти явления заставляют по-разному присматриваться к различным параметрам эволюции научного знания, усматривая в них то симптомы когнитивного апокалипсиса (подразумевающие подрыв базовых конструкций политологии как эпистемологической системы), то трактуя их как естественные формы познания политики (пусть даже и в кризисном социуме).

Применительно к отечественной ветви политической науки, такому разному в оценках есть свое особое объяснение, поскольку в последние годы отношение к развитию политологии в основном сосредоточивалось на институциональных проблемах (отсутствие внимания государства к научным исследованиям, сужение преподавания политологии в вузах, дефицит авторитетных школ и «точек развития», имитация научных исследований со стороны многочисленных дилетантов¹, сервильизм официальных «политологов» и т.д.), что затеняло собственно когнитивные проблемы научных исследований. И хотя многие эпистемологические проблемы отечественной политологии были известны и ранее (склонность к нормативизму и когнитивному империализму, догматическая приверженность к потерявшим эвристичность теоретическим конструкциям и проч.), сегодня отдельные аспекты познавательного процесса начинают восприниматься рядом исследователей как показатель кризиса, снижающего эвристичность научных знаний и создающего угрозы их будущему обновлению.

Впрочем, история науки как общественного института не раз давала примеры преодоления когнитивных проблем, сохранявших базовые параметры научной рефлексии и надежную эвристичность получаемых результатов. Учитывая, что такие механизмы преодоления кризисов срабатывают постоянно (независимо от отраслевых, темпоральных и средовых контекстов), важно обозначить общий фундамент оценивания политологических конструкций, сохраняющий эвристичность научных выводов и презумпций.

Политическая рефлексия как источник когнитивных конфликтов

Если рассматривать гипотетически возможный кризис политической науки с точки зрения научного знания как такового, легко увидеть, что человечество многократно сталкивалось с ослаблением ее познавательных способностей. Однако эти трудности

¹ К сожалению, стоит признать, что до сих пор в отечественных разработках можно найти факты элементарного мракобесия. Чего стоят хотя бы «теоретические» работы, оценивающие характер эволюции отечественного политического процесса по числу обнаруженных в стране чудотворных икон [см.: Сулакшин, Багдасарян, 2012].

(как правило, вызванные переходом к новым моделям мировосприятия, исчерпанием эвристических возможностей доминировавших подходов или различными формами деинституционализации научного знания) человечество успешно преодолевало за счет формирования новых парадигм (О. Конт) и разработки более релевантных теоретических подходов и методов исследования, которые позволяли науке сохранять и укреплять свои общественные позиции. В любом случае до сих пор наука успешно справлялась с критическими стадиями своей эволюции. Более того, опыт побудил ученых своевременно улавливать симптомы наступления кризисных ситуаций и вырабатывать превентивные меры, предупреждающие и компенсирующие когнитивные риски.

Если отвлечься от вопросов социального позиционирования научного знания (порождающего кризис ее общественного функционала) и обратиться к собственно познавательным аспектам эволюции науки о политике, то можно увидеть весьма ограниченный перечень причин, постоянно провоцирующих волатильность ее когнитивных способностей и создающих риски получения достоверных знаний.

Прежде всего, это особенности самой политической мысли, той особой формы рефлексии, которая синтезирует результаты наблюдения, оценивания и анализа, одновременно увязывая друг с другом протологические, логические и постлогические формы отображения. Такая форма мировосприятия, прорастая в научное знание (фильтрующая обретенные знания по законам формальной логики), даже на более высоком уровне мышления обнаруживает широкие возможности для определенного сохранения смыслов, отражающих коннотации (и соответствующие лингвосемантические конструкции) фонового знания.

Такое положение вполне объективно ибо, строго говоря, логика формирования научных воззрений неизбежно предполагает наличие некоей философско-онтологической платформы, которая отражает особенности человеческого мировосприятия и предшествует гносеологическому выбору. Другими словами, эти ценностно-смысловые (этические по своей природе и сквозные для человеческого мышления в целом) координаты являются исходным и постоянно сопутствующим фактором осмысления и исследования политики. При этом от их удельного веса в известной степени зависит и характер, и набор исследовательских подходов.

Более того, без задействования этих компонентов политического мировосприятия наука способна всего лишь *объяснять* различные формы взаимозависимости человека и центров власти, но при этом лишается возможности *понимания* природы и сущности этих (переполненных различными экстрарациональными мотивами и намерениями людей) отношений. Не случайно В. Дильтей писал, что если природу мы объясняем, то духовную жизнь – понимаем. Однако аксиологические основания взаимосвязи политической власти и жизнедеятельности человека неизбежно порождают столкновение принципов научного мировосприятия (ориентированного на поиск истины) с особенностями политического мышления человека, направленного на бытование и поверхностное истолкование повседневности, осознание своей жизненной «правды».

Конечно, сенсорный баланс этики и логики является исключительно подвижной величиной в научном знании. В одних случаях он снижает, а в других (связанных, к примеру, с анализом различных версий политической идентификации, аномии, политико культурных конструкций и пр.) повышает эвристический потенциал теоретических схем и их прикладных рекомендаций. Однако XXI век наглядно показал, что именно этические ориентиры (включая не только нигилистические или романтические, но и человеконенавистнические убеждения) становятся источником расширения объяснительных схем современного мира политики. Одним словом, ценностные платформы и этические фреймы мировосприятия ученых могут не только сопутствовать рациональным суждениям о мире политики, но и – задавая ложные ориентиры развитию общества и демонстрируя безрассудность в построении теоретических моделей – способствовать возникновению низко релевантной и квазинаучной схематизации политических явлений.

Коротко говоря, обозначенные особенности политической рефлексии с неизбежностью демонстрируют исходную конфликтность этого типа мышления, отражающего *вербальный* (оценочный) характер политического явления (факта) как такового. Это показывает, что то или иное событие социальной жизни способно обрести политическое очертание только на определенной аксиологической основе (включающей особенности авторской нравственно-этической рефлексии), т.е. в рамках оценочного суждения актора (образующего самые общие рамки для выбора теоретико-методологических оснований анализа).

Концепт политической рефлексии демонстрирует еще один внутренний конфликт, который отражается на эволюции научного знания. Этот конфликт связан с пониманием / отрицанием специфики политической рефлексии как таковой. В частности, одни ученые растворяют в политической рефлексии все знания человека об окружающем мире. Например, трактуя политику «как сумму осознанных и целенаправленных изменений, формирующих будущее», эти теоретики интерпретирует политическую рефлексию как «мысль, ориентированную на решение проблемы места и роли человека в социуме, продиктованную интересом к данному предмету», что позволяет им констатировать, что «рефлексия не может быть иной, нежели политической» [Белоус, 2017, с. 9, 10, 13].

Впрочем, с логической точки зрения приведенное утверждение стоит ровно столько же, как и то, что рефлексия не может быть иной, нежели философской, морально-этической или какой-либо иной. И это обесценивает употребление предиката «политическое» как содержательной характеристики особого типа мышления. Другими словами, с собственно эпистемологических позиций это означает, что политическая рефлексия «не зависит от предмета» своего отображения [Белоус, 2017, с. 14]. Понятно, что такая форма рациональной интерпретации политического отражения мира не только смешивает его онтологические, когнитивные и аксиологические аспекты, но и трактует политическую рефлексию как результат механической проекции до-, пост- и рациональных форм мышления человека на всю область социальной и несочальной жизни.

Понимая основания такого подхода (отражающего трудности выделения предметного профиля мыслительного процесса), следует все же отметить, что подобные идеи выравнивают все смыслы человеческой активности, образующиеся в рамках взаимозависимости природы и общества, власти и безвластия и т.д. В свою очередь, это создает риски для научного уровня мышления, которое в таком случае утратит внутренние импульсы для выявления *особого круга явлений* (неважно, в рамках социальной или внесоциальной активности человека), рассматриваемых в качестве ее предметной области. Причем наиболее существенные потери в этом случае будет нести номотетическая когнитивная стратегия. Более того, с точки зрения прикладных последствий такого бесконечного расширения политической рефлексии снимаются и опреде-

ленные социальные функции научного знания, в частности задача формирования у людей политического сознания, понимаемого как достижение ими определенного *уровня* восприятия общественных отношений (предполагающего, к примеру, осознание людьми различных форм своей групповой принадлежности, противопоставления своих групповых интересов иным потребностям, понимание возможностей властей для их полного или частичного удовлетворения и т.д.).

Как бы то ни было, но обозначенные противоречия между мировоззренческими и рефлексивными параметрами отображения политики (способными образовывать синтетические или синкретические комбинации) показывают, что в науке о политике постоянно проявляются конфликты *базового* уровня, аттестующие соотношение онтологических, когнитивных и аксиологических оснований политической мысли. В этом смысле кризисные явления в эволюции науки могут касаться как дисбаланса интеллектуальных и ценностных компонентов мировосприятия, так и утраты каждой из них своего когнитивного функционала.

Таким образом, политическая рефлексия не только порождает постоянное столкновение обозначенных граней политического мировосприятия, но и демонстрирует конфликт различных типов рациональности, аттестующих характер мыслительной активности человека. Конфликт, который наиболее ярко проявляется в процессе теоретической схематизации и моделировании политических процессов.

Теоретические источники развития научного знания

Итак, политическая рефлексия порождает не только аксиологические конструкции, но различные типы рационализации мира политики, в свою очередь, служащие основанием его теоретизации. Однако теоретический способ отражения политики образуется только в рамках *предметного* профилирования объекта изучения. Другими словами, научная форма интерпретации политики предполагает непосредственную связь объяснения (понимания) ее природы и сущности с набором ограниченного по своему профилю класса явлений (демонстрирующему ограничения предметного поля исследований).

Другими словами, научное знание о политике – это не механическая проекция рационального мировосприятия человека на некую сферу человеческой жизни (усиливающая произвольный характер теоретической номинации «политики»). Научность измерения тех или иных явлений и процессов состоит в рационально-теоретическом вычленении из области социальных (или иных) взаимодействий того класса явлений, которые обладают собственной *specifica differentia*, позволяющей отличать их от иных – экономических, правовых, административных и др. – форм человеческой активности.

Как нам видится, большинство когнитивных напряжений в научном знании как раз и связано с изменением или уточнением сущностных параметров предмета политических исследований. Особенно в тех случаях, когда познавательные осложнения не удастся преодолевать за счет уточнения традиционных подходов и методологий.

Собственно, определение предметной области суть важнейший признак концептуальной и научно-теоретической интерпретации политики, придающий ей номотетический характер. В этом плане наука, как качественно иной уровень рефлексии, предусматривает теоретическое моделирование класса изучаемых объектов, в свою очередь, предполагающее – на основании применения адекватных когнитивных методов – получение аутентичных знаний об объекте, связывающих необходимые значения и смыслы [Кнопг-Сетина, 2007]. Иначе говоря, научные формы интерпретации политики (как рационально-логической деятельности, использующей валидированные инструменты анализа, ориентированные на получение верифицированных знаний) только и позволяют маркировать политику как особый круг явлений, соотносенных (по разным основаниям) с иными проявлениями жизни человека, общественными и природными явлениями. И только в этих рамках научное знание – синтезируя имеющиеся у исследователя картины мироздания и отвечая требованиям предметной спецификации особого круга явлений, – способно решать свою триединую задачу: объяснения, понимания и прогнозирования политических явлений. Применяя же релевантные – по отношению к разным сегментам предметного поля – средства теоретического моделирования, наука способна выявлять даже скрытые значения и смыслы политических процессов.

Однако на этом уровне анализа усиливается амбивалентная природа научного знания, поскольку плюрализация теоретических схем демонстрирует конфронтацию принципиально противоположных объяснительных моделей мира политики. Другими словами, наиболее существенные источники кризисного развития политической науки состоят в постоянном воспроизводстве *полярно* противоположных трактовок ее предмета, не исключающих при этом и асоциальные (!) интерпретации политических объектов.

Как показывает опыт, главная трудность научной идентификации политики состоит в том, что поле ее теоретических интерпретаций располагается за границами социальной сферы. Био- и геоцентричные, антропологические, гендерные, кибернетические и иные внесоциальные подходы дают на это свои весьма убедительные ответы. К примеру, если в 60-е годы XX в. Л. Колдуэлл писал, что биополитика отражает концентрацию усилий на «приведение социальных, особенно этнических, ценностей в соответствие с фактами биологии» [Caldwell, 1964, p. 3], то в настоящее время это зонтичное понятие превратилось в целое научное направление, которое изучает «всю совокупность социально-политических приложений наук о живом в плане как политической теории, так и практической политики», делая при этом упор на исследование форм человеческой агрессивности, эмоционального заражения акторов в рамках коллективных форм активности, витальной мотивации совместных поведенческих паттернов и пр. [Олескин, 2001, с. 400].

Легко заметить, что такая форма интерпретации политики теоретически и методологически слабо совмещается с ее пониманием как особой сферы государственной власти и управления. Столь же несовместимы такие воззрения и с пространственными трактовками политики, интерпретирующими ее как некую сферу (сектор, поле, площадку) – в основном социальных – взаимодействий, предполагающую качественное определение их границ, препятствующих процессам инклюзии [Mann, 1986]. Ну, а с суждениями об «отсутствии политики» – как формы публичной коммуникации – не только в современном российском обществе [Массовая политика... 2016, с. 258–260], но и в других европейских государствах [Рансьер, 2006, с. 21], такие воззрения не совмещаются вовсе.

Еще бо́льшую сложность концептуальному видению политики, предполагающему хотя бы приблизительное единство в подходах, создает тот факт, что ряд современных научных направлений

(в частности, популярные антропологические теории политгенеза) «развивались в известной степени независимо от теории политической науки» [Крадин, 2001, с. 1]. Понятно, что такое положение создает еще больший разброс теоретических расхождений и «отклонений» подобных моделей от доминирующих сегодня взглядов.

Впрочем, в политической мысли есть направление, которое внешне пытается снять издержки плюрализации научных представлений. Это, условно говоря, универалистские подходы, рассматривающие политику как проявление «власти», «целенаправленной деятельности», «управления» и др. Очевидно, что в таком случае само употребление термина «политика» становится необязательным, а спецификация этого круга явлений объявляется ненужной. К такому же результату (за счет механической интерпретации термина «политический», в ряде случаев якобы выходящего за рамки политики) [Шабров, 2016, с. 52] приводит и необоснованное распространение данного понятия на не соответствующие его природе явления.

Следует признать, что в логическом пределе такие подходы демонстрируют явную незаинтересованность в спецификации критериев «политического» и предполагают в ряде случаев избирательное вычленение параметров, не согласующихся с атрибутивными характеристиками политики как определенного класса явлений. Понятно и то, что произвольно используемый предикат «политический» в принципе создает теоретически неуловимую реальность. Но отказ от предметной идентификации политики – это и отказ от понимания того, чем политика Аристотеля отличается от современного национального государства, или чем транснациональная борьба за контроль над центрами принятия политических решений отличается от властной конкуренции элит в более локальном пространстве.

Видимо, следует сказать и еще об одном варианте предметной спецификации политической науки. Речь идет о некоторых теориях среднего уровня, включающих в концептуальный образ политики различные инструменты и технологии этого типа активности. Такие подходы, идентифицирующие политику с точки зре-

ния прикладного значения научного знания, получают распространение в условиях ожидания практической эффективности разрабатываемых теоретических схем и их конкретных рекомендаций. В настоящее время такой подход особенно популярен, поскольку многими аналитиками «наука сегодня рассматривается как практическая деятельность», требующая сосредоточения внимания ученых на прагматических основаниях теоретического моделирования [Carrier, Nordmann, 2011, p. 1].

Однако следует признать, что даже в тех случаях, когда прагматические подходы опосредуют те или иные концептуальные образы политики (порой, лишая их интерперсонального содержания), все равно существует глубинная связь этих представлений с формальными правилами анализа и накопленным теоретическим опытом, которые неизбежно форматируют интуицию исследователей и их интерпретации политических явлений. Однако опасность «инструментально-прикладного» подхода (с точки зрения спецификации образа политики) состоит в усилении эрозии теоретических границ научной рефлексии, поскольку в этом случае во все формы концептуального видения политики неизбежно включаются те методы и технологии, которые отличают политическое регулирование от администрирования, силового принуждения, морального увещивания и других форм упорядочивания социальных связей. В результате в рамках такого типа теоретизирования предметных пересечений политики с другими сферами общественной жизни становится еще больше. Это, по понятным причинам, только увеличивает диверсификацию ее аналитических образов. Одним словом, сближение онтологического и прикладного (неразрывно связанного с отражением определенного комплекса практик и опытом проектировщиков политических процессов) уровней исследования только усложняет смыслы и лингвистические образы интерпретации политики.

Как бы то ни было, но в результате применения и правомерных, и неправомерных (нарушающих требования формальной логики) когнитивных подходов у политологии образуется весьма пестрое (если не сказать – клочковатое) предметное поле, демонстрирующее даже больший разрыв в подходах, чем в метафоре Г. Алмонда о «столиках в кафе». В этом смысле горизонт политической рефлексии и пространство научных изысканий никак не превращаются в территорию, хотя бы в самом общем плане ограниченную не-

кими общими теоретико-методологическими идеями и подходами. Постоянное умножение политологических концептов доказывает не только тот факт, что теоретическая унификация воззрений о политике не имеет исторических перспектив, но и то, что эволюции научного знания будет постоянно сопутствовать столкновение даже не подходов, а «эпистемологических культур» как прочно утвердившихся «моделей построения знаний» сторонниками тех или иных принципов и идей [Кногг-Сетина, 2007]. А то, что в большинстве своем политика рассматривается как явление сугубо социальное, игнорирующее весьма содержательные аналогии природного происхождения (на которые обращают внимание натуралистические концепты), позволяет говорить как о неполноценности научного знания о политике, так и об условности лидерства даже самых популярных современных теорий. Это, впрочем, не признак вульгаризации научного знания, но явный сигнал принципиальной неполноценности применяемых подходов, требующих некоего более органичного синтеза общественных и естественно-научных подходов.

И всё же: кризис или когнитивная волатильность?

Применительно к вопросу о признании / непризнании кризисов и когнитивных конфликтов в развитии науки о политике становится понятным, что на фоне непреодолимых разломов в понимании ее предметной области главную трудность такого оценивания составляет соотнесение – хотя бы основных – подходов в интерпретации ее природы и соответствующего набора атрибутов. Только так можно понять, *что* изменяется сегодня в этой интеллектуальной сфере и насколько наука способна адекватно отображать политическую реальность.

Как уже отмечалось, надеяться на какую-то общепризнанную унификацию подходов (на что все-таки рассчитывает ряд теоретиков [Шабров, 2016]) не приходится. Остается признать лишь то, что политическая наука в принципе неспособна достичь внутренней конвенции, предполагающей какие-то обобщенные оценки мира политики и прогнозы ее эволюции. В таком случае становится трудно добиться какой-то теоретической определенности при понимании того, что же меняется в политике и какие черты определяют ее нынешний облик.

Тем самым понятие «кризис» становится удобным олицетворением внутри теоретических конфликтов, той аттестацией и даже публичным имиджем политической науки, который демонстрирует принципиальную непреодолимость когнитивных противоречий. Причем как в ретроспективном, актуальном, так и в перспективном форматах. И все же это не тот кризис, который способен обрушить интеллектуальный функционал научного знания. Так что речь уместнее вести о различных стадиях когнитивной волатильности, которая если и позволяет говорить о потере эвристичности отдельными теоретическими моделями, но не науки в целом.

Думается, большинство политологов все же согласно в том, что и внутренние конфликты политической рефлексии, и поливариативность теоретического моделирования политики являются постоянными, но *позитивными* источниками развития науки. Развития, способного на тех или иных этапах эволюции породить некие внутренние кризисные ситуации. Но эти ситуации – суть не что иное, как естественные проявления процесса обновления научного знания, обусловленные конфликтом методологий, снижением эвристичности отдельных моделей, неэффективностью конкретных методов исследования. Поэтому на маршруте развития науки всегда будут свои стадии подъема и упадка, опережения или отставания от требований дня.

При этом следует иметь в виду и то, что на ряде политических площадок научное знание просто обречено на создание исключительно общих, приблизительных, ориентационных суждений и выводов. Показательно иллюстрирует такое положение процесс принятия политических решений, содержащий массу латентных явлений, скрытых от общественности акторов, их подлинных замыслов и целей. В этом смысле даже опытное (инсайдерское) знание относительно этой зоны политики или применение сложных аналитических схем (например, теории квантов [Алексеева, 2017]) заставляют сомневаться в аутентичности получаемых выводов и мало что дают, кроме обогащения исследовательской риторики или констатации непознаваемости изучаемых процессов. Одним словом, в этой зоне исследований даже конфиденциальная информация не дает возможности понять, как теоретические модели преобразуются в политические решения [Adjusting to policy expectations... 1999]. Мало того, эта «серая» зона дефицита информации и неопределенности становится границей столкновения научного

знания с конспирологическими и криптологическими конструкциями, уводящими науку в сторону от поиска истины.

Такие примеры показывают, что увеличение удельного веса «ненаблюдаемых сущностей» и расширение гипотез (с учетом персонального опыта и воображения ученых) усиливает двусмысленность научных выводов, расширяя неэффективность методов учета «подобия» объектов и проводимых сравнений. Впрочем, когнитивные риски, демонстрирующие, что даже при применении валидированных теоретических инструментов накопление знаний не ведет к усилению научных презумпций и выводов, надо воспринимать как вполне естественное положение вещей. Тем более что, как было отмечено ранее, эволюция поля политики демонстрирует устойчивое увеличение нелинейных процессов при применении власти, расширение зоны латентных коммуникаций, усиление вариативности различных форм управления государством и другие явления, которые обуславливают нарастание хаотизации и возникновение «смутной политики», сполна проявляющей свой собственно человеческий характер. А возникновение такой «неполной ситуации» исследования (Дж. Дьюи) и не позволяет ученым «действовать разумно» [Smith, 2011].

Частично снизить негативный эффект изучения такого рода явлений можно за счет более точного *зонирования* поля политики, т.е. выявления тех «дискурсивных пространств», на которых могут быть установлены некие общие договоренности [Evans, 2000], в том числе и включающие признание неспособности релевантного отображения политических процессов. Учитывая же, что дискретный характер политических процессов ослабляет применение идеалтипических моделей, хорошо работающих лишь в рамках анализа институализированной политики (отражая ограниченность классических – системных и структурно-функциональных моделей), видимо, для снижения критичности в обновлении научных знаний следует использовать более надежные познавательные приемы. Представляется, что к таким инструментам можно отнести:

– формирование новых аналитических моделей на основе сочетания методов, тяготеющих к получению представлений о глубинных источниках «человеческой» активности в сфере политики (например, дискурсивный институционализм, психологизм, коммуникативизм, антропологизм и пр.);

– более полное использование когнитивного потенциала общенаучных (синергетических, коэволюционных и пр.) и универсалистских (семиотических, морфологических) методов познания, позволяющих достичь нужного сочетания конкретно-индуктивных, дедуктивно-системных и историографических (С.А. Токарев) методов исследований;

– более разностороннюю разработку методологий, ориентированных на переход от систем и структур к нелинейным схемам анализа, основанным на выделении кластеров, комплексов, потоков и типизации индивидуальных практик¹.

Представляется, что эти направления относятся к неким универсальным требованиям развития науки и снижения неопределенности ее выводов. Однако существуют и специфические параметры развития научного знания, отражающие особенности национальной саморефлексии по поводу политических объектов. В данном контексте, несколько перефразируя мысль Т. Кнуутилы, можно сказать, что каждая национальная школа политической науки формирует и соответствующие культурные формы политической эпистемологии, типичные познавательные паттерны и те устойчивые теоретические модели, которые рассматриваются как некие когнитивные артефакты [Knuuttila, 2011, p. 62–271]. В этом смысле российским ученым еще предстоит найти более адекватные исследовательские приемы, наследующие позитивные традиции отечественной политической мысли.

Расширяя представления о моделях и приемах исследования, можно углублять анализ универсальных и специфических источников амбивалентной логики развития науки о политике. Однако, повторимся, в целом все же понятно, что кризисный характер ее эволюции в первую очередь связан с нарастанием теоретических риск-рефлексий, расходящихся с динамикой предмета исследований и предлагающих человеку неадекватные образы подчас даже ключевых процессов. Однако частичные потери в достоверности и аутентичности теоретических схем и моделей и, как следствие, аналогичная утрата эвристичности и посюсторонности ее отдельных выводов и рекомендаций – это не столько проявления ее внут-

¹ Так, *кластеры* позволяют агрегировать множества однотипных и в то же время отличных друг от друга явлений; *комплексы* обобщают профильные идейно-поведенческие акции и интеракции ключевых и второстепенных акторов, а *потоки* сочетают разнородные типы активности, нормы, установки и пр.

ренного кризиса, сколько отражение естественных противоречий между объектом и субъектом познания. Говоря иначе, логика обновления познавательного аппарата, даже порождая многочисленные конфликты (нормативных и эмпирико-аналитических, парадигмальных и контекстуальных, теоретических и описательных, семантических и семиотических) аспектов познания политики не должна рассматриваться как источник ослабления ее общественного функционала. Это – не маркеры кризиса, понимаемого как угроза научному знанию и результат накопления непереносимых для нее разрушительных процессов, а источник развития науки. Повседневное разрешение этих конфликтов суть постоянное совмещение классических и инновационных подходов к анализу тех или иных политических явлений (не исключая, кстати, и решительного разрыва с ранее доминировавшими идеями). В этом смысле «кризис» политической науки является вполне воображаемой величиной, свидетельствующей лишь об ограниченности отдельных познавательных моделей и методов исследования.

Представляется, что нынешняя ситуация позволяет с оптимизмом смотреть в будущее, ясно осознавая потенциал теоретического моделирования мира политики, являющегося – при всей его противоречивости – показателем потребности человека узнавать все больше и больше о самом мощном способе применения власти и гибком регуляторе общественных отношений. И хотя современная политика наследует далеко не все черты и параметры различных стадий своего исторического самовоплощения, тем не менее современная наука обладает вполне релевантным эпистемологическим потенциалом для того, чтобы идентифицировать политику, развести общие и особенные характеристики этого явления в рамках политгенеза.

Список литературы

- Алексеева Т.А.* Политические науки на фоне меняющихся картин мира // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований: Ежегодник РАПН 2017 / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 48–64.
- Белюс В.Г.* Самопознание политики (о контурах теории политической рефлексии) // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Ежегодник РАПН 2017 / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 8–21.

- Крадин Н.* Политическая антропология: Учеб. пособие. – М.: Ладомир, 2001. – 213 с.
- Олескин А.* Биополитика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 459 с.
- Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 286 с.
- Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. с фр. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
- Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э.* Высшие ценности Российского государства. – М.: Научный эксперт, 2012. – 624 с.
- Шабров О.Ф.* Понятие политического: возможна ли политическая наука // Власть. – М., 2016. – Т. 24, № 9. – С. 51–61.
- Adjusting to policy expectations in climate change modeling: An interdisciplinary study of flux adjustments in coupled atmosphere-ocean general circulation models / S. Shackley, J. Risbey, P. Stone, B. Wynne // Climatic change. – Dordrecht-Holland; Boston, 1999. – Vol. 43. – P. 453–454.
- Caldwell L.K.* Biopolitics: science, ethic and public policy // Yale review. – Oxford, 1964. – Vol. 54, N 1. – P. 1–16.
- Carrier M., Nordmann A.* Science in the context of application: Methodological change, conceptual transformation, cultural re-orientation // Science in the Context of Application / Ed. by M. Carrier, A. Nordmann; Boston studies in the philosophy of science. – Dordrecht: Springer, 2011. – P. 1–7.
- Evans R.* Economic models and economic policy: What economic forecasters can do for government // Empirical models and policy-making: Interaction and Institutions / Ed. by F. den Butter, M.S. Morgan. – L.: Routledge, 2000. – P. 206–228.
- Joas H.* The creativity of action. – L.: Polity Press, 1996. – 336 p.
- Knorr-Cetina K.* Culture in global knowledge societies: Knowledge cultures and epistemic // Interdisciplinary science reviews. – L., 2007. – Vol. 32. – P. 361–375.
- Knuutila T.* Modeling and representing: An artefactual approach // Studies in history and philosophy of science. – Oxford, 2011. – Vol. 42. – P. 62–271.
- Mann M.* The sources of social power. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1986. – Vol. 1: A history of power from the beginning to AD 1760. – xxvii, 549 p.
- Smith Ch.W.* Coping with contingencies in equity option markets: The rationality of pricing // The worth of goods: Valuation and pricing in the economy / Ed. by J. Beckert, P. Aspers. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2011. – P. 272–294.